

БЮРО ГАЗЕТНЫХ ВЫРЕЗОК

Ц.С.В. У.С.М.О. Н.К.П. и Т.

Мясницкая, 26-6

Телефон № 36-69.

Вырезка из журн.

Рабочий и Театр

от 1-1 АПР 1930

Г. Ленинград.

Журн. №

КОЛХОЗ БЕЗ СЕРЕДНЯКА "АВАНГАРД" в Больш. Драм. театре

В пьесе Катаева выведен некий Папирбратцев, бухгалтер коммуны "Авангард". Вырисован он автором и подан театром, надо сказать, с достаточной убедительностью. Подавленный темпами и цифрами, несчастный Папирбратцев совершенно терпит голову: он валается на деревья, пытается в античной провалке, достигает апогея растерянности и рассеянности.

Преследуемый цифрами, он, по собственному его признанию, способен выйти на работу без штанов.

— Была ли подка или не было подка?

— Была ли шапка или не было шапки?

Папирбратцев истерично вырывается из рук, ощущает себя, не верит своим рукам: подка должен быть, но подка нет. Папирбратцев забыл надеть его.

Нам кажется, что в положении, сходном с положением бухгалтера Папирбратцева, должен был себя чувствовать БДТ на диспуте, происшедшем в театре 6 апреля после первой постановки "Авангарда". Вероятно, он оцумумала себя, как Папирбратцев и спрашивала, не веря своим рукам:

— Была деревня или не было деревни?

Увы, деревни не было. БДТ, сиемни обласкался в одежде агитационного спектакля, забыла надеть на себя "подка".

Не было деревни потому, что показанной в "Авангарде" деревни нет и не может существовать в природе нашей современности.

И не в том, в сущности, дело, что эта деревня совершенно неубедительно разговаривает хором и "монолитно" разжевывает по сцене на огромных цифрах, изображающих "100% коллективизации", а в том, что не было в спектакле ни противления всех его 15 картин основного действующего лица нашей деревни—среднего крестьянина. Его забыли.

Оно, правда, есть в основном печатном проспекте спектакля, предложенном зрителю театром, но в проспекте оно и осталось, как папирбратцевский подка—дома.

Пьеса рисует борьбу за социализм на фоне обострения классовой борьбы в деревне.

Пандири этой борьбы—сельско-хозяйственная коммуна "Авангард".

В чем сущность классовой борьбы на данном историческом переломе?

Любой пионер вам ответит: в уничтожении кулака, как класса, в "освоении" середняцкой массы, в переклещении этой основной прослойки крестьянства на рядовых коллективизаторов.

Показано ли это в спектакле? Нет, не показано. Резко бросаются в глаза две категории: кулак и бедняк. Середняка не видно, о нем даже не слышно; он "вымысел". За вычетом кулака деревня показана однородной, сплоченной, и эти однородность и сплоченность утешающим образом подкрепляются упомянутым выше оформлением.

Театр забыл надеть и "шапку". В пьесе почти не чувствуется ведущей роли партии в борьбе за коллективизацию.

Упоминание в афишке того обстоятельства, что рабочий Лянговой, к которому обращается за помощью руководитель коммуны Майоров, является секретарем ячейки, никак не разрешает проблемы о партийных надрат в деревне.

Надо сказать прямо: деревня "не вышла". И это в особенности обидно потому, что при ином материале она должна была "выйти", не могла "не выйти".

Прямых доказательством этому служат убедительнейшая жизненность сцены в целом, для которой автор (В. Катаев) нашел те яркие краски.

Характерно то, что и оформление этой сцены, и в совершенно уничтожающий противояс оформле-

нию „деревни“, — как нельзя более убедительно: здесь налицо органическая связь оформления с текстом, здесь цифры в лозунгах, сопряженные с заводскими шумами, убеждают, здесь плакат живет, тогда как плакатное оформление „деревни“ рвет живую ткань пьесы, врезается в нее инородным телом, разрушая цельность импонирующего воздействия и определенно расхолаживает зрителя.

Все эти недостатки досадны: уже потому, что театр, видимо, подошел к постановке с любовью, в буквальном смысле слова не щадя своих сил: спектакль был сработан в месячный срок!

Однако, если этим коротким, поистине ударным сроком можно оправдать недостатки оформления, то политическая неадекватность по линии средних задач в деревне никаким сроком оправдана быть не может.

Несмотря на некоторую трафаретность положений (спавание кулаком подкулачника, потеря документов, которыми пользуются кулаки и т. п.), пьеса, как отрядное исключение из печального правила агитпесен, написана хорошим языком, эмоционально насыщена и несомненно в основном доходящая до массового зрителя.

Театру необходимо уточнить политическую установку, внести необходимые дополнения, и тогда пьеса станет не только приемлемой, но и нужной.

Театр может и должен это сделать, не останавливаясь на полпути: у него есть и этому все данные, у него есть воля к осуществлению стоящих перед советским театром задач — созданию подлинного художественного агитационного арсенала, у него, наконец, есть несомненное стремление стать на этот единственно правильный путь в условиях решающей классовой схватки.

В заключение нельзя не отметить слаженной

игры актеров, из которых наиболее убедительными являются: Мичурин (Чорга), Сафронов (Лаврик), Акимов (фрезеровщик) и Лариков (мельник).

Арт. Лаврентьев сделал все возможное из довольно худой роли руководителя коммуны Майорова.

Нельзя не отметить артиста Борожкова, сделавшего из бессловесной в сущности роли Григория (работника мельницы) подлинно художественный образ.

В заключение хочется сказать о музыкальном оформлении спектакля (В. Дешевов): органически увязанное с темой, оно не только сопровождает спектакль, но существенно его восполняет.

Р. Волженкин

Печатная отзыв П. Волженкина, „РАБОЧИЙ“
„ТЕАТР“ в ближайших №-рах вернется
к оценке нового спектакля БДТ.

На читке „Авангарда“ в БДТ